

MATERIÁLY A DISKUSE

О скуке в русском языковом сознании

Андрей Е. Бочкарев (Нижний Новгород)

On skuka 'boredom' in the Russian Language Consciousness

The article explores the ways of displaying skuka 'boredom' in the Russian language consciousness. The *Russian National Corpus* is more appropriate for this purpose, because a conceptual configuration of an analyzed concept is not present in a "finished" form in any single utterance, but may be reconstructed only on the totality of all possible utterances. It can be manifested in many different ways: distribution, ability to accumulate some Russian "key ideas", predisposition to be associated with some emotional attitudes, concepts, propositional and metaphorical models.

According to available data, skuka 'boredom' may be common, daily, domestic, rural, provincial, metaphysical or wanton by statement; infinite, interminable, bottomless or cosmic in coverage; big, never-ending or eternal by intensity; apparent or thinly-veiled by external manifestation; monotonous, lazy, anguishing, dreary, chilly, sad, alarming, oppressive, hopeless, terrible, savage, crazy, mortal, infernal or cozy by emotional distress; sweet, pleasant, viscous, sticky, nauseating, overwhelming, piercing, cold, dull, unbearable, intolerable, heavy, painful, deadening or full by physical sensations; humiliating, dirty, arrogant or evil by the criterion of moral evaluation; frank, ostentatious, deliberate, affected by authenticity; grey, green, yellow, blue or black in colour.

As an emotional or psychological state experienced when an individual is not interested in his or her surroundings, skuka 'boredom' is related, in its most manifestations, to many different concepts like provincial life, idleness, monotony, sloth, solitude, stupidity, sadness, gloom, etc. that refer to some typical boredom-situations in which they occur. Those collocations can be explained by many factors: a need to identify the subject of boredom, a need to characterize the indicated emotional or psychological state in relation to concomitant feelings and emotions, a need to represent skuka 'boredom' in terms of other conceptual areas as a moral ailment, illness, beast, swamp, abyss, stream or web.

Keywords: Russian language, feelings and emotions, corpus studies, language-specific words, propositional model, conceptual metaphor, opinion, evaluation

Роль скуки в духовной и интеллектуальной жизни человека огромна. И не только потому, что скука относится к базовым человеческим эмоциям, но еще и потому, что позволяет человеку, взглянув на себя со стороны, отрефлексировать некоторые особо важные экзистенциальные смыслы. Как справедливо замечает Л. Свендсен, скука – это не только вопрос отсутствия интереса к происходящему,¹⁾ но еще и вопрос смысла, точнее: утраты смысла в связи с обесцениванием в определенные

1) Ср. «...когда не получают пищу интересы или их нет, жить скучно» (Рубинштейн 2002, 693).

промежутки истории ряда значимых аксиологических приоритетов (Свендсен 2007). Философию здесь главным образом интересует, обладает ли скука созидательным смыслом или является феноменом исключительно деструктивным (Бабаева 2010; Глебкин 2015; Королькова 2017); психологию – как переживается человеком состояние скуки, монотония, апатия и депрессия (Tardieu 1903; Ильин 2001); литературную критику – какое место занимает мотив скуки в идиолекте того или иного автора (ср. Маханова 2016; Сороченко 2003); лингвистику – как отображается данное эмоциональное состояние в языке (ср. Шаховский 2008; Lakoff 2016).

Не вдаваясь в рассуждения, является ли скука явлением исключительно деструктивным, как соотносится скука с жизненными приоритетами и досугом (*otium*) или какое место отводится скуке в индивидуально-авторской картине мира, обратимся скорее к концептуализации скуки в языке, дабы установить, как представляется данное эмоционально-психологическое состояние в русском языковом сознании в качестве особого «носителя смысла» (Греймас – Фонтаньей 2007, 32). Ибо, если быть строгим и точным, содержанием обозначающих скуку языковых выражений является не сама по себе скука, не связанное с ней эмоционально-психологическое состояние как таковое, а то, как скука отображается в языке в качестве «факта культуры» в связи со сложившимися в культуре социальными нормами, сценариями и ситуациями. В этой связи недостаточно сказать, что *скука* – это то, что называют в русском языке *скукой*, *скукотой* или *скукотницей* и что определяют в словарных толкованиях как «тягостное чувство от косного, праздного, недеятельного состояния души, томление бездействия» (В. И. Даль), «томление от отсутствия дела или интереса к окружающему» (С. И. Ожегов). Требуется установить, кроме того, как употребляются обозначающие скуку выражения в высказываниях вида *Скучно жить на этом свете, господа!* (Н. В. Гоголь), *Ах, это была жизнь – не дрема да скука!* (А. Н. Толстой), *Была отчаянная скука* (А. Белый) и проч. Недаром в определении А. Вежбицкой приоритетным в исследованиях такого рода должно быть изучение того, как употребляется эмоциональная лексика в языке (Вежбицкая 1997, 344).

В первом приближении под значение *скуки* можно подвести эмпирический опыт как данное нам в переживаниях опытное знание. Ибо если обозначения означенного состояния относятся действительно к состоянию переживания, определить значение обозначающих его выражений можно и по отношению к испытываемым говорящим переживаниям. Например, когда кто-то, рассуждая об испытанном чувстве скуки, говорит: *Скука берет*, значение выражения *скука берет* можно привести в соответствие с собственным переживанием подобного состояния, а затем решать, насколько адекватным в условиях данной ситуации является подобное словоупотребление. Аналогом значения становится в таком случае собственное переживание, сопоставленное с другими подобными переживаниями, а избираемой по случаю процедурой анализа – эмпирические правила смысла (Айдукевич 1999; ср. Моррис 1983, 37–89).

Такое на первый взгляд простое решение неприемлемо для лингвистической семантики, поскольку наряду с эмпирическим опытом говорящие руководствуются еще и речевым обиходом, предписывающим, какие языковые выражения выбирать для описания того или иного эмоционально-психологического состояния. Поэтому утверждать, каким является содержание эмоционального концепта в языке и насколько лингвоспецифичны способы его выражения, можно только по засвидетельствованному словоупотреблению – дистрибуции, специфическим переосмыслениям,

преобразованиям и конверсиям, предрасположенности ассоциироваться с определенными представлениями и ситуациями, способности аккумулировать в качестве встроенных смыслов «ключевые идеи» национальной картины мира.²⁾

Обращение к *Национальному корпусу русского языка* представляется в этой связи тем более необходимым, что содержание анализируемого концепта не дается в окончательном виде ни в одном из отдельно взятых контекстов употребления, а реконструируется только на множестве всех или почти всех возможных употреблений. По засвидетельствованным в корпусе употреблением можно во всяком случае установить, что наряду с соответствующим именным выражением означенное эмоциональное состояние выражается в языке предикатами состояния, в том числе глагольными выражениями *скучать*, *нагонять скуку*, *наскучить*, наречием *скучно*, устойчивыми фразеологическими оборотами *праздность скуку любит*, *от скуки на все руки*, *не сиди сложа руки*, *так и не будет скуки* и что квазисинонимами *скуки* могут быть также *уныние*, *грусть*, *тоска*, *печаль*, *хандра* и прочее. При этом, как показывают примеры, поводов и причин для скуки много, как много и возможных ситуаций, в которых испытывают чувство скуки. Ибо при сходном, казалось бы, эмоционально-психологическом настрое предмет, указывающий на каузируемое состояние скуки, может свободно варьироваться в зависимости от культуры, социальной среды и субъекта скуки.

Предмет скуки. Судя по засвидетельствованным употреблением общим числом свыше пятнадцати тысяч вхождений, под состояние скуки в русском языковом сознании подводятся самые разнообразны вещи: быт, погода, зима, лето, осень, ветренный день, серое небо, дождь, политика, времяпрепровождение, путешествие, игра, чтение, картина, однообразная работа, каждодневный труд, дело, поприще, процедура, обязанность, должность, место, учеба, уроки, школьные учебники, учителя, общение со сверстниками, методика, лекция, статья, доклад, книга, роман, сценарий, спектакль, театральная постановка, пьеса, фильм, передача, анекдот, газета, концерт, стихи, симфония, матч, магазин, подарки, деревушка, поселок, город, страна, домашние дела, зимний вечер, супружеская жизнь, семья, муж, жена, дети, компания, этикет, правила приличия, холостяцкая жизнь, устав внутренней службы, классные журналы, протоколы заседаний педсоветов, годовой отчет, заседание, собрание, служба, прическа, одежда, краска, цвет, расчеты, формулы, цифры, принадлежности личной гигиены, суды, собеседник, лицо, глаза, голос, вид, речь, разговор, беседа, рассказ, история, подробности, примеры, воспоминания, жалобы, ворчанье, слова, мысли, человек, люди, гости, родственники, обед, обстановка, архитектура, площадь, улица, двор, дом, подъезд, квартира, комната, стены, коридор, среднерусский пейзаж, горный ландшафт, равнина, степь, море, пространство, провинциальная жизнь, провинция, деревенская жизнь, Москва, Петербург, невские берега, колхозная жизнь, дорога, путь, чужбина, одиночество, нищета, отсутствие цели, однообразие, здравомыслие, проповедь, мораль, добродетель, морализаторство, нравоучения, упреки, занудство, наука, пошлость, безделье, ожидание, глубинка, глушь, серость, пустота, размерен-

2) В качестве инструмента может использоваться также анализ межъязыковых соответствий в параллельных корпусах. Как отмечает Анна А. Зализняк, «лингвоспецифичность – свойство, по своей природе компаративное» (Зализняк 2015, 685; ср. Шмелев 2015, 584–594) и установить ее с полным основанием можно лишь посредством контрастного анализа – путем сопоставления условий употребления анализируемого выражения с аналогичными выражениями других языков. В этой связи см., в частности, результаты тематических исследований франц. *ennui* (Erlich 1995; Martin 1993, 146–202; Rastier 1995).

ная жизнь, житье, будни, повседневность, мир, действительность, существование, старость, юность, время – словом, всё, что сопрягается каким-то образом со скукой как состоянием душевного томления, уныния и тоски.

Во всех без исключения случаях, идет ли речь о времяпрепровождении, свойствах характера, погоде, бытовых условиях или работе, прототипическая ситуация скуки отображается по модели: Y вызывает у X -а скуку, где X и Y – переменные, вместо которых можно подставить при необходимости имена привлекаемых по случаю субъекта и объекта скуки.³⁾ Принципиальное отличие состоит, пожалуй, только в том, что в одном случае *скука* определяется в связи со свойством ‘быть скучным’, по которому характеризуется в качестве каузатора означенного состояния какой-то избираемый по случаю предмет, процесс, событие, действие или явление, в другом – как внутреннее состояние субъекта-эксперимента скуки.⁴⁾ Причем и в том, и в другом случае скуку можно признать не только эмоциональным, но еще и ментальным состоянием, поскольку даже без уточнения каузатора скуки в высказываниях вида *Мне скучно! Скука смертная! Боже мой, какая скука!* речевой субъект осознанно квалифицирует свое состояние, пусть и без участия эксплицитно выраженных ментальных предикатов со значением ‘иметь мнение’, как состояние скуки. Особо важно при этом не только то, что скука не мыслится вне каузативной связи, но и то, что избирается в качестве каузатора данного эмоционального состояния, как варьируются в разных контекстах мнения «градус» и предмет скуки и как соотносятся между собой связанные со скукой установки мнения. Ибо такие вещи, как безделье, искусство, деревенская жизнь, политика, хотя и провоцируют равным образом скуку, принадлежат по определению аксиологически несовместимым концептуальным областям,⁵⁾ так что установить их совместимость в общем оценочном пространстве можно только в пределах какой-то избираемой по случаю установки мнения.

Разумеется, мнения могут не совпадать. Но даже если говорящий и осознает, что оценка того же объекта может быть иной, собственная оценка чего-то как *скучного*, *неимоверно скучного*, *непроходимо скучного* является тем не менее знанием в статусе «субъективной истины» (Дмитровская 2003, 52–53). Особый интерес представляет в этой связи аргументация собственной точки зрения, стремление обосновать собственное мнение (убеждение) путем экспликации в интенционально-ориентированной рефлексии особо примечательных признаков, свойств, состояний и действий, по которым какой-то объект можно, квалифицировав как *скучный*, подвести под категорию скучных объектов. Например, в высказывании *Разведка – дело скучное: анализ ситуации и фактов, помноженный на кровавый опыт других* (Д. Рубина),

3) Данная модель представляет собой разновидность более общей модели, применимой ко многим эмоциональным состояниям: X выражает определенную эмоцию по поводу факта или объекта Y , делая высказывание P (Апресян 1995, 32). Ср. *Господи, какая скука! (P) — подумал он (X) о жизни в деревне (Y)*. Валентность высказывания P может при этом оставаться нереализованной, как, впрочем, и свойства, по которым Y вызывает у X -а скуку. Ибо, если быть точным, скуку может вызывать в деревне и однообразие, и недостаток комфорта, и отсутствие знакомых, и необходимость заниматься сельскохозяйственным трудом. Поэтому когда говорят: *Скучно в деревне*, нелишне уточнить, почему жизнь в деревне вызывает у X -а скуку.

4) В этой связи различают ситуативную скуку как реакцию человека на внешние факторы – скучную книгу, скучного собеседника, скучный разговор – и экзистенциальную скуку как внутреннее состояние человека в связи с утратой интереса к происходящему и жизни в целом (Глебкин 2007; 2015).

5) Вот почему скуку, как и удовольствие, можно признать аксиологически неустойчивым концептом (ср. Зализняк 2006, 250).

необходимым и достаточным основанием суждения *Разведка – дело скучное* служит последующее пояснение: *... анализ ситуации и фактов, помноженный на кровавый опыт других*. Аналогичным образом в высказывании *Город был скучный, однообразный* (М. Тырин) *быть скучным* специфицируется по свойству ‘однообразный’, а в высказывании *Я не хочу жить при социализме. Это была скучная жизнь. С детства мы знали, что будем октябрятами, пионерами, комсомольцами* (С. Алексиевич) – по свойству ‘предсказуемый’ в контексте «с детства мы знали...».

Не исключаются также случаи, когда оценка выводится путем сталкивания признаков, свойств и состояний с противоположным оценочным знаком, как обстоит, например, в высказывании: *... скучная эта литература: очень правильный Горький, но какой-то неувлекательный; очень правильный Маяковский, но непроворотливый какой-то; очень прогрессивный Салтыков-Щедрин, но рот раздерешь, пока дочитаешь* (А. Солженицын). В противительной конъюнкции, в которой находятся присоединенные оценочные предикаты *правильный – скучный* (М. Горький), *правильный – непроворотливый* (В. В. Маяковский), *прогрессивный – рот раздерешь, пока дочитаешь* (М. Е. Салтыков-Щедрин), чаша весов склоняется, как видно, в пользу оценки, заданной во втором конъюнкте, так что упомянутые литераторы подводятся *volens nolens* под категорию скучных писателей (в контексте «скучная эта литература»). Достоверно или нет такое мнение в смысле объективном, заранее знать нельзя, зато можно утверждать безусловную его достоверность как данного чьего-то сознания.

Параметры скуки. Обобщить и упорядочить такие поистине разнообразные представления о скуке можно в зависимости от исследовательских приоритетов по ряду типологически значимых параметров – основанию и характеру проявления, охвату, времени протекания, интенсивности и глубине переживания, внешним проявлениям, физическим ощущениям, морально-этической оценке и проч.

По основанию и характеру проявления скука может быть душевной (5), обычной (6), обыкновенной (3), деревенской (26), провинциальной (7), петербургской (4), городской (4), домашней (4), дачной (3): ср. *Ведь от этой провинциальной скуки черт знает до чего можно дойти* (А. В. Амфитеатров);

по охвату – беспредельной (4), общей (5), всеобщей (3), вселенской (6): ср. *Скука вселенская* (Т. Окуневская);

по интенсивности и глубине переживания – непроходимой (16), невероятной (5), бесконечной (5), большой (19), бездонной (3), великой (14): ср. *...прихожу в великую скуку и уныние* (А. С. Шишков);

по времени протекания – повседневной (2), будничной (4), вечерней (5), осенней (11), зимней (8), вечной (10): ср. *...эта вечная скука в крови, переходящая от поколения к поколению* (Л. Н. Толстой);

по внешним проявлениям – откровенной (8), видимой (3), явной (3), скрытой (3): ср. *...с трудом сдерживая откровенную скуку* (А. Маринина);

по физическим ощущениям – невыносимой (30), тяжелой (26), мучительной (5), беспробудной (3), шемящей (5), давящей (3), мертвящей (15), невероятной (5), тупой (13), холодной (9), вязкой (4), приятной (3): ср. *Тупая скука была на лицах неподвижных женщин* (Г. А. Газданов);

по эмоционально-психологическим переживаниям – однообразной (7), томительной (36), ленивой (7), унылой (8), тоскливой (9), тревожной (5), гнетущей

(14), безнадежной (10), тяжелой (6), ужасной (34), страшной (63), жуткой (3), дикой (4), смертельной (58), смертной (112), адской (13): ср. *...какая-то тревожная скука* (И. С. Тургенев);

по морально-этической оценке – праздной (11), пошлой (2), злой (4): ср. *Эта праздная скука доводит иногда до весьма печальных результатов* (В. В. Крестовский);

по подлинности – откровенной (8), настоящей (8), нарочитой (2), деланной (2): ср. *...с трудом сдерживая откровенную скуку* (А. Маринина);

по цветовой гамме – серой (19), зеленой (17), черной (4), желтой (2): ср. *Дома скука зеленая: каждый вечер гости* (В. Ф. Панова).

Пропозициональная модель. В качестве необходимого формата представления знаний пропозициональная модель, определяющая наше знание о скуке, содержит информацию, какими представлениями руководствуются всякий раз говорящие в пределах действия пропозициональной установки мнения. Особо показательны в этой связи указания на аффективно-эмоциональную и поведенческую реакцию *R*, судить о которой можно по эксплицированным в контексте состояниям и действиям *P*.

На психосоматическую и поведенческую реакцию в состоянии скуки указывают, в частности, широко используемые в высказываниях о скуке глагольные выражения с причинным предлогом *от / со*, поясняющие в плане каузальных отношений, чего только не случается с человеком от скуки.⁶⁾ Независимо от того, какой категорией объектов вызвана скука, их можно распределить по тематическим группам на предикаты действия и предикаты состояния.

С точки зрения переживания и характера протекания состояние скуки градуируется по шкале интенсивности в плане физической, физиологической или эмоциональной реакции на ситуацию скуки. Судя по засвидетельствованным употреблением, от скуки / со скуки туманится голова, тошнит, сводит (ломит) скулы, зевают, задыхаются, деревенеют, киснут, пухнут, томятся, маются, изнывают, изнемогают, страдают, не знают, что делать и куда себя деть, впадают в отчаяние, тупеют, одуревают, шалеют, звереют, заболевают, сходят с ума и чуть ли даже не умирают. Ср. *Я думаю, его самого тошнит от скуки, когда он читает свои статьи* (П. Д. Боборькин), *...томились от скуки* (М. А. Булгаков), *И задыхаюсь от скуки* (В. Аксенов), *Теперь умирай там от скуки каждый вечер* (Ф. М. Достоевский). При этом означенное состояние совпадает, нелишне заметить, с процессом, поскольку протекает во временной, пусть и не всегда указанной протяженности в интервале $t_0 - t_{0+1}$.

Особо примечательны, кроме того, и совершаемые в состоянии скуки действия и поступки с разным оценочным содержанием. Как показывают примеры, от скуки / со скуки пытаются чем-нибудь заняться, выдумывают разное, играют в карты, бранятся, курят, пьют чай, много едят, рано ложатся спать, рожают детей, слушают радио, болтают, сплетничают, едят шоколад, пишут стихи, кокетничают, ухаживают, волочатся, лапают девиц, делают глупости, покупают всякую всячину, кутят, влюбляются, стреляются, женятся, пускаются в разгул, изменяют, пьянствуют, спиваются, хулиганят, дерутся, насилюют. Ср. *...и от скуки велел подать себе чаю* (Н. В. Гоголь),

6) Ср. *Чего только не делается у нас в провинции от скуки, сколько ненужного, вздорного!* (А. П. Чехов).

Мы с ней в карты от скуки играем, когда делать нечего (И. С. Тургенев), *Думаете, отчего женятся? Женятся от скуки, поверьте* (С. Н. Сергеев-Ценский), *...и от скуки покупает всякую всячину* (Ф. Искандер).

Какой бы ни была оценочная квалификация, все без исключения состояния, действия и поступки, так или иначе обусловленные скукой, можно, по сути, привести к некоторому общему знаменателю в рассуждениях вида *...всё от скуки, господа, всё от скуки* (Ф. М. Достоевский). При условии, разумеется, если выражение *всё* в изречении героя *Записок из подполья* понимать не как логический квантор всеобщности, а как оператор со сферой действия в пределах между «многое» и «по большей части». В противном случае придется признать, что всё, что происходит с человеком в мире, происходит от скуки.

Пропозициональная модель, построенная на *Национальном корпусе русского языка*, предоставляет, кроме того, информацию о том, что приложимые к *скуке* предикаты варьируются в зависимости от позиции в синтаксической структуре высказывания.

В функции семантического объекта к *скуке* приложимы предикаты испытывать: *...и по вечерам, приходя домой, я испытывал скуку и томление одиночества* (А. И. Куприн); чувствовать: *...почувствовал скуку и тупую злобу* (Л. Н. Андреев); ощущать: *К концу зимы Евгений Борисович впервые за много лет ощутил скуку* (С. Юрский); вызывать: *И чувство скуки, которое вызывала в нем в детстве эта картинка, вновь коснулось его* (В. Гроссман); наводить: *...это наводит на меня смертельную скуку* (Г. А. Газданов); нагонять: *Осенняя погода нагоняет жесточайшую скуку* (Н. С. Лесков); разделять: *...не чернеются ли где, на далеком горизонте, лошадки, не ползет ли кто из знакомых разделить скуку* (А. И. Эргель); преодолевать: *Не то чтобы ей было интересно следить за чужим мужем, просто женскую скуку можно преодолеть, разве что удовлетворяя любопытство* (К. Яхонтова); развеивать: *Он хотел лишь развеять скуку* (А. Дмитриев), разгонять: *А я пришла к вам было скуку разогнать* (С. Т. Семенов); рассеивать: *...но на самом деле он только забавляется людьми, играет с ними, чтобы рассеять свою скуку* (Н. Н. Берберова); прогонять: *А вот мы скуку сейчас прогоним, — сказал хозяин* (Н. В. Гоголь); пересиливать: *...чтобы пересилить эту скуку, много играл на фортепьяно* (А. Рекемчук); убивать: *Даже непонятно: да где же люди и чем убивают они свою осеннюю скуку, безделье, сидя по этим избам и усадьбам?* (И. А. Бунин).

В функции субъекта *скука* возникает: *И такая смертная скука возникает в душе писателя* (С. Есин); появляется: *...и на лице его появилась скука* (В. Губарев); накатывает: *Вдруг накатила на него невыносимая скука* (Д. Рубина); томит: *Меня томил скука вынужденного безделья* (Л. К. Чуковская); щемит сердце: *Сердце щемил скука* (М. А. Шолохов); жмет: *Мне, говорит, Раичка, жмет на сердце серая скука существования* (К. Г. Паустовский); охватывает: *Скука с новой силой охватила Турбина* (И. А. Бунин); нападает: *Напала та скука с иной стороны* (П. И. Мельников-Печерский); наваливается: *... на них навалилась неимоверная скука* (И. Краева); преследует: *Надю везде преследовала скука* (Н. Г. Помяловский); берет: *...а то меня уж скука взяла* (А. Ф. Вельтман); одолевает: *Скука одолевала их* (М. А. Шолохов); мучает: *...одурь скуки мучила меня больше обыкновенного* (А. В. Амфитеатров); угнетает: *Вообще скука угнетала его* (Г. И. Успенский); снедает: *Скука, которая снала меня в эти долгие часы сидения в бомбоубежище* (А. Е. Рекемчук); гложет: *Дедок один живет, скука его гложет* (Д. Донцова); грызет: *...злая скука грызла сердце* (М. Горький); заедает: *Только скука временами*

заедала такая, что волком выть хотелось (Е. Парнов); съедает: *А мне голодно, да и скука съела* (И. А. Бунин); сковывает: *Скука сковывает Сережу хуже болезни* (В. Ф. Панова); донимает: *Только скука донимает* (П. П. Бажов); давит: *...как задавит скука, и человек ничего не стоит* (А. М. Ремизов); душит: *В такие минуты Петр Артамонов чувствовал, что его душит скука* (М. Горький); побеждает: *...скука победила этикет* (А. Тарасов); воцаряется: *В зале постепенно и незаметно воцарилась скука* (Б. Ефимов), царит: *А здесь, в этом отношении, действительно, царит скука* (А. Морозов); парализует: *Окаянная, мертвая, зеленая скука обволокла паутиной мой мозг и парализовала тело* (А. И. Куприн); отравляет жизнь: *Эта скука отравляла ему жизнь* (П. Н. Краснов); убивает: *А только скука меня убивает* (М. А. Шолохов); проходит: *...скука прошла мгновенно* (А. Дмитриев); исчезает: *И скука исчезла, и жизнь изменилась* (В. А. Соллогуб); возвращается: *К Егорушке вдруг вернулась его скука* (А. П. Чехов).

Разумеется, в условно-истинностном исчислении присоединенные предикаты вида *давить*, *накатывать*, *глодать*, *грызть* или *душить*, подходящие более для представителей других системных классов, представляются неприемлемыми и даже, можно сказать, ложными. Но если о соответствии присоединенного предиката судить по засвидетельствованному употреблению, о сообразности пропозиции следует тогда судить только и только по тому, насколько узуальным является такое словоупотребление. В ситуации выбора основанием привлечения такого, а не какого-то другого вспомогательного объекта становится, очевидно, необходимость квалификации скуки по востребованному в контексте свойству – быть тяжелой как груз, всепобеждающей как неподвластная человеку сила, грызущей как зверек, накатывающей как водный поток, затягивающей как болото или токсичной как ядовитое вещество.⁷⁾ Решающим фактором для профилирования этих свойств, как, собственно, и выбора вспомогательного объекта, служит такое существенное обстоятельство, что для определения скуки в образном представлении в русской языковой картине нет иного класса вспомогательных объектов, кроме разве только груза, силы, злобного зверька, водного потока, болота и яда.

Больше того, подобное представление скуки укореняется в обыденном сознании настолько, что носители языка не обращают, по сути, внимания на метафоричность выражений вида *скука давит*, *скука накатывает*, *скука заедает* или *скука одолевает*, а принимают их чуть ли не за объективную характеристику того, чем является «на самом деле» скука. Как если бы скука действительно могла давить по аналогии с тяжелым предметом, накатывать по аналогии с водным потоком, затягивать по аналогии с болотом, глодать и грызть по аналогии со злобным зверьком, воцаряться и одолевать по аналогии с неподвластной человеку силой. Это значит, что модельная структура, по которой определяется внутреннее состояние субъекта скуки, является этим состоянием; и не существует более различия между объективным представлением скуки и соответствующим ее отображением в языке.

7) В случае перехода субъекта внутреннего состояния в положение семантического объекта можно говорить о характерной для человека тенденции экстерниоризировать свои чувства, как если бы они и в самом деле были самостоятельной силой, вступающей с субъектом внутреннего состояния в определенные, дружеские или враждебные, отношения (Арутюнова 1998, 386; ср. Зализняк 2006, 57–72, 513).

Предметно-понятийные соответствия. Реконструировать возможные ситуации скуки позволяют также установленные в корпусе корреляции. Как показывают примеры, скука сочетается по принципу дополнительности с бездействием: *...но скоро скука бездействия стала меня мучить* (А. С. Пушкин); бездельем: *Больные изнемогали от скуки и безделья* (В. П. Катаев); ленью: *Инка знала – скука затащит в западню бездумной лени* (У. Нова); праздностью: *...а была простая скука от праздности* (Е. А. Салиас); однообразием: *...однообразие и скука жизни вселяют сознание беспомощности* (А. П. Чехов); бессмысленностью: *Она изнывала от бессмысленности и скуки* (М. Трауб); провинциальной жизнью: *Ездили туда и дамы к приходу пассажирских поездов, что служило маленьким разнообразием в глубокой скуке провинциальной жизни* (А. И. Куприн); глушью: *Все глушь, скукота* (Ю. Трифонов); серостью: *Серость, скука, однообразие, и никакого просвета* (А. Маринина); глупостью: *По глупости и со скуки, — объяснил себе Самгин* (М. Горький); пошлостью: *...да это пошлость и скука* (И. С. Тургенев); одиночеством: *...а ее ждали одиночество и скука в родительском доме* (Б. Левин); болезнью: *Это скука тоскливая определила болезнь Фей Ромашек* (Т. Рик); нравственным недугом: *...оно испаряется теориями и умозрениями, методами и системами, заражающими жизнь нравственным недугом – скукою* (И. А. Гончаров); пьянством: *...на дежурстве скука и пьянство* (Е. Романова); развратом: *Разврат и скука, скука и разврат* (А. В. Амфитеатров); пустотой: *...чувствуется страшная пустота и скука* (В. В. Вересаев); томлением: *День в томлении и скуке прошел* (В. Астафьев); унынием: *Здесь без тебя – уныние и скука* (С. Довлатов); апатией: *Апатия и скука затягивали его* (Л. Н. Андреев); грустью: *...и Кречмара охватили вдруг скука и грусть* (В. В. Набоков); печалью: *...ощущение скуки и какой-то изматывающей постоянной печали* (В. Спектр); горечью: *Испытал такую острую скуку и горечь, что даже атмосфера больницы уже не пугала меня* (С. Довлатов); тоской: *А дома у нас по целым дням была страшная тоска и скука* (Ф. М. Достоевский); хандрой: *Как ты с хандрой ни носись, а к скуке вернешься* (Вс. В. Иванов); мучениями: *...и потому-то в Москве знают скуку со всеми ее мучениями* (К. Н. Батюшков); мукой: *Скука, смертельная мука!* (Д. В. Григорович); болью: *Клим ощущал в груди, в голове тихую, ноющую скуку, почти боль* (М. Горький); несчастьем: *Главным же несчастьем была скука* (К. И. Чуковский); ужасом: *Смесь ужаса и скуки не такая уж редкая смесь* (Н. Н. Берберова); жутью: *...прямо жуть, скука-с!* (И. А. Бунин); завистью: *Третья причина скуки – это моя неистовая, чрезмерная зависть* (А. П. Чехов); злостью: *...я чувствую только скуку да злость* (И. С. Тургенев); злобой: *...исходил скукой, злобой, завистью и доношением* (Ю. Нагибин); злом: *В жизни все зло, мне кажется, от праздности, от скуки, от душевной пустоты* (А. П. Чехов) и прочее.⁸⁾

Вместо заключения. Таким образом, в русской языковой картине мира со *скукой* сочетаются в диапазоне допустимого варьирования самые разнообразные понятия, не имеющие, казалось бы, между собой ничего или мало общего в плане внешних проявлений и оценочной квалификации.

Причиной тому служат разные обстоятельства:

8) В интересах контрастного анализа заметим попутно, что наиболее частотными коллокативами франц. *ennui* признаются *abattement, bâillant, dégoût, dégoût de la vie, désespérance, désœuvrement, engourdissement, incuriosité, inaction, inutile, las, morne, mort, néant, regret, vide* (Erlich 1995, 88).

- и желание определить искомое понятие: ср. ...скука – это не сплин английский, а особенная, чисто русская, скука (смесь безделья, апатии и обжорства) (К. М. Станюкович);
- и необходимость обозначить предмет скуки в качестве каузатора соответствующего эмоционально-психологического состояния: напр. безделье → скука: *Скука появляется от безделья* (Н. Дубов); праздность → скука: *А где праздность, там и скука* (А. Крон); бесцельная жизнь → скука: *Боже мой, какая скука! Какая бесцельная жизнь!* (В. П. Катаев); людская глупость → скука: *Людская глупость навеивает скуку* (А. А. Фадеев);
- и необходимость эксплицировать сопутствующие чувства и переживания, в том числе печаль, злость, унижение: ср. ...бедный Александров изнывал от скуки, безделья и унижения (А. И. Куприн);
- и стремление исчислить по предикатам внутреннего состояния вида *томиться, изнемогать, тупеть, шалеть* «градус» переживания состояния дисфории;
- и необходимость обозначить совершаемые в состоянии скуки действия и поступки;
- и потребность квалифицировать означенное душевное состояние, независимо от того, чем оно вызвано, как с к у к у - тоску: *Не от болезни, не от голода – от тоски-скуки* (В. К. Кетлинская); как с к у к у - муку: *Мы обречены на гнуснейшую из мук – на скуку* (В. М. Дорошевич); как с к у к у - уныние: *Выражение лица его было – сама скука и уныние* (А. Кабаков); как с к у к у - маету: *...вряд ли она развеет скуку и маету, а может быть даже и усугубит* (Д. Данилов); как с к у к у - пустоту: *Скука – это пустота. За тобою – пустота, перед тобою – пустота, кругом – пустота!* (А. О. Осипович);
- и необходимость вынести оценку: ср. *пошлая скука* (Н. Г. Помяловский); *унизительная скука* (В. В. Набоков); *праздная скука* (А. К. Шеллер-Михайлов);
- и стремление представить скуку поверх категориальных границ в терминах другой концептуальной области как зверя: *Счастливые, они живут и не знают, что есть на свете ужасный зверь – скука, который бежит по улицам и жадно караулит свои жертвы* (Н. Г. Гарин-Михайловский); *бездну: ...и ты кувыркою полетишь в бездну скуки, ничтожества и равнодушия* (В. В. Вересаев); *поток: Это был поток безнадежной серой скуки, непрерывной и неуловимой* (М. А. Булгаков) и проч.

Так реконструируется в многообразии возможных употреблений содержание анализируемого концепта в русском языковом сознании, в известной степени диффузного, но при этом национально-специфичного. И можно с уверенностью говорить не только о том, что язык отражает разнообразные представления о скуке, но, и то, что он навязывает их говорящим на этом языке.

Литература:

- Айдукевич 1999: Айдукевич, К.: Язык и смысл. *Логос. Философско-литературный журнал* #7, 1999, 17, 67–93.
- Апресян 1995: АПРЕСЯН, Ю. Д.: Интегральное описание языка и системная лексикография. In: АПРЕСЯН, Ю. Д.: *Избранные труды в двух томах*, 2. Москва 1995.
- Арутюнова 1998: АРУТЮНОВА, Н. Д.: *Язык и мир человека*. Москва 1998.
- Бабаева 2010: БАБАЕВА, А. В.: Аксиология скуки. *Известия СПбГЭТУ ЛЭТИ*, 2010, 4, 69–73.

- Вежицкая 1997: ВЕЖИЦКАЯ, А.: *Язык. Культура. Познание*. Москва 1997.
- Глебкин 2007: ГЛЕБКИН, В. В.: Скука. In: *Культурология. Энциклопедия*. В двух томах. Москва 2007, 2, 493–494.
- Глебкин 2015: ГЛЕБКИН, В. В.: Категория скуки у Паскаля и Хайдеггера. *Вопросы филологии*, 2015, 1 (49), 34–45.
- Грејмас – Фонтаний 2007: ГРЕЙМАС, А.-Ж. – ФОНТАНИЙ, Ж.: *Семиотика страстей. От состояния вещей к состоянию души*. Москва 2007.
- Дмитровская 2003: ДМИТРОВСКАЯ, М. А.: Знание и мнение: образ мира, образ человека. In: *Логический анализ языка. Избранное. 1988–1995*. Москва 2003, 47–55.
- Зализняк 2006: ЗАЛИЗНЯК, А. А.: *Многозначность в языке и способы ее представления*. Москва 2006.
- Зализняк 2015: ЗАЛИЗНЯК, А. А.: Лингвоспецифичные единицы русского языка в свете контрастивного корпусного анализа. In: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» 14 (21)*, 1. Москва 2015, 683–695.
- Ильин 2001: ИЛЬИН, Е. П.: *Эмоции и чувства*. Санкт-Петербург 2001.
- Королькова 2017: КОРОЛЬКОВА, А. А.: Историко-философский анализ скуки. *Logos et Praxis*, 16, 2017, 4, 6–14.
- Маханова 2016: МАХАНОВА, Г. Е.: *Лингвистические средства объективации концепта «скука» в системе русского языка (на материале текстов А. П. Чехова)*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Смоленск 2016.
- Моррис 1983: МОРРИС, Ч.: Основания теории знаков. In: *Семиотика*. Москва 1983, 37–89.
- НКРЯ: *Национальный корпус русского языка* [on-line]. <<http://ruscorpora.ru>>.
- Рубинштейн 2002: РУБИНШТЕЙН, С. Л.: *Основы общей психологии*. Санкт-Петербург 2002.
- Свендсен 2007: СВЕНДСЕН, Л.: *Философия скуки*. Москва 2007.
- Сороченко 2003: СОРОЧЕНКО, Е. Н.: *Концепт «скука» и его лингвистическое представление в текстах романов И. А. Гончарова*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ставрополь 2003.
- Шаховский 2008: ШАХОВСКИЙ, В. И.: *Лингвистическая теория эмоций*. Москва 2008.
- Шмелев 2015: ШМЕЛЕВ, А. Д.: Русские лингвоспецифичные лексические единицы в параллельных корпусах: возможности исследования и «подводные камни». In: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» 14 (21)*, 1. Москва 2015, 584–594.
- Erllich 1995: ERLICH, D.: Méthode d'analyse thématique. Exemples de l'ennui et de l'ambition. In: Martin, E. [ed.]: *L'analyse thématique des données textuelles. L'exemple des sentiments*. Paris 1995, 85–103.
- Lakoff 2016: LAKOFF, G.: Language and Emotion. *Emotion Review* 8, 2016, 3, 269–273.
- Martin 1993: MARTIN, E.: *Reconnaissance de contextes thématiques dans un corpus textuel. Éléments de lexico-sémantique*. Paris 1993.
- Rastier 1995: RASTIER, F.: La sémantique des thèmes. Ou le voyage sentimental. In: Martin, E. [ed.]: *L'analyse thématique des données textuelles. L'exemple des sentiments*. Paris 1995, 223–249.
- Tardieu 1903: TARDIEU, É.: *L'ennui. Étude psychologique*. Paris 1903.
- Wierzbicka 1992: WIERZBIKA, A.: Defining emotion concepts. *Cognitive science*, 1992, 16, 539–581.